005013498

Гончарик Алексей Александрович

Роль политического класса в формировании региональной идентичности в постсоветской России

Специальность 23.00.02 –
Политические институты, процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

15 МАР 2012

Пермь 2012

Диссертация выполнена в Институте научной информации по общественным наукам РАН

Научный руководитель: доктор философских наук **Малинова Ольга Юрьевна**

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор **Семененко Ирина Станиславовна**

кандидат политических наук **Белоногов Юрий Геннадьевич**

Ведущая организация: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Защита состоится 10 апреля 2012 г. в 15-00 часов на заседании диссертационного совета К. 212.189.04 при Пермском государственном национальном исследовательском университете по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, в Зале заседаний Ученого совета ПГНИУ.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Пермского государственного национального исследовательского университета.

Автореферат разослан « » марта 2012 года

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат политических наук, доцент Н.В. Борисова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. Процессы формирования региональной идентичности в постсоветской России оказываются в фокусе внимания исследователей российской политики по нескольким причинам:

во-первых, формирование *региональной идентичности* (т.е. представлений об определенном сообществе, конструируемых, закрепляемых, поддерживаемых и воспроизводимых на определенной территории и выраженных в символах, образах, нарративах, мифах о границах и уникальности региона, об основаниях консолидации регионального сообщества и перспективах регионального развития) становится существенным аспектом региональной политики;

во-вторых, вследствие реконфигурации политического пространства, обусловленного распадом СССР, происходит переосмысление различных оснований идентификации с политическим сообществом (национальным, гражданским, этническим, региональным, локальным), которые в одних ситуациях дополняют друг друга, а в других – соперничают друг с другом;

в-третьих, в этих процессах возрастает активность регионального *политического класса* (т.е. тех, кто профессионально вовлечен в политические процессы и участвует в осуществлении символической власти). Он состоит из двух социальных групп – *политических элит*, т.е. лиц, обладающих властью по должности и принимающих решения, и *представителей интеллектуальной элиты*, участвующих в производстве и конкуренции политически значимых смыслов и тем самым оказывающих косвенное влияние на принятие решений.

В результате трансформации отношений федерального центра и регионов, обусловленной политическими реформами рубежа 1990-х и 2000-х годов изменился контекст, в котором политический класс осуществляет защиту региональных интересов и позиционирование региона во внешней среде. Федеральный центр устанавливает правовые и политические рамки региональной политики (в том числе – в вопросах, непосредственно связанных с конструированием региональной идентичности), поощряет конкуренцию и

поляризованное развитие в социально-экономической сфере. Кроме того, политика идентичности приобрела дополнительное измерение с образованием федеральных округов: уникальность регионов начинает интерпретироваться политическими элитами как конкурентное преимущество в споре за выгодное положение в округе и борьбе за распределение федеральных и региональных ресурсов.

С учетом этих тенденций представляется интересным, во-первых, выявить факторы, стимулирующие активность регионального политического класса, направленную на формирование региональной идентичности в условиях унификации политических и правовых рамок со стороны Федерального центра в 2000-е годы, во-вторых, выделить типы политики идентичности регионального политического класса, и установить их зависимость от различных типов ресурсов. Под *политикой идентичности* здесь понимается разновидность политической коммуникации, связанной с производством и продвижением социально значимых дискурсов, символов, образов, нарративов, мифов, определяющих представления о конкретном сообществе. Выбор в качестве объектов изучения четырех регионов, объединенных историко-культурным и политическим наследием Урало-Поволжья и Приволжского федерального округа (далее – ПФО) обусловлен несколькими причинами: во-первых, Урало-Поволжье и ПФО обладают уникальным поликультурным, полиэтническим и поликонфессиональным разнообразием (подобными округами являются Северо-Кавказский и Южный) и находится на стыке славянского, тюркского и финно-угорского миров, христианства и ислама; во-вторых, в ПФО в первой половине 2000-х годов проводилась активная политика, направленная на формирование окружной идентичности, оказавшей влияние на поиск уникальности входящих в него регионов (еще одним таким округом, где предпринимались подобные попытки, является Северо-Западный). Для рассматриваемых регионов ПФО - Пермский край, Ульяновская область, Удмуртская и Чувашская республика - характерны различия в политических статусах (два региона являются республиками, один - областью и еще один – с 2005 г., в результате

объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа, приобрел статус края). В истории формирования регионов как политических единиц (обе области начали складываться в эпоху Российской империи и обладают «губернским» наследием, а республики являются «советским» изобретением), в географическом расположении (Пермский край и Удмуртия исторически и культурно являются «уральскими» регионами, а Ульяновская область и Чувашия – «поволжскими»).

Степень научной разработанности проблемы. Методологическая ценность категории идентичности заключается в том, что она является инструментом для анализа социального и политического положения индивидов, групп и сообществ в современном мире[1]. В ходе изучения формирования идентичности:

во-первых, исследователям нужно решить проблему концептуализации, поскольку понятие используется в разных дисциплинах, а также в контексте дискуссий между сторонниками разных подходов (эссенциализма, примордиализма, конструктивизма)[2];

во-вторых, в эмпирических исследованиях политики возникает потребность в операционализации понятия, прежде всего, в изучении деятельности различных политических субъектов[3];

в-третьих, в контексте анализа формирования представлений о сообществе, политических институтах, территории интересуют проблемы

---

[1] Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. – Stanford, Cal.: Stanford univ. press, 1991. – VII, 256 p.; Бауман З. Индивидуализированное общество / Под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Логос, 2005. - 390 с.; Taylor C. The politics of recognition // Taylor C. Multiculturalism: Examining the politics of recognition / Ed. by A. Gutmann. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press, 1994. – P. 25-73.

[2] Подробнее о данных дискуссиях см.: Колосов В.А. «Примордиализм» и современное национально-государственное строительство // Полис. - 1998. - № 3. - С. 95-107; Кузнецов А.М. Этническое и национальное в политическом дискурсе // Полис. – 2007. - № 6. – С. 9-23; Малахов В.С. Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт: Сб. науч. тр. / Под ред. М. Брилл Олкотт, И. Семенова. - М.: Гендальф, 2001. - С. 115-137; Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами // Логос. – 2005. - № 4 (49). – С. 132-140.

[3] Abdelal R., Herrera Y.M., Johnston A.I., McDermott R. Identity as a variable // Perspectives on politics. - 2006. - Vol. 4, № 4. - P. 695-711; Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. - 2005. - № 3. – С. 8-20; Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа: Сб. ст. / Отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева, ред. В.В. Лапкин, П.В. Панов. - М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 8-12.

соотношения различных видов идентичности, прежде всего, политической, национальной, государственной, территориальной[4].

Понятие идентичности в качестве инструмента исследования политики используется для анализа процесса конструирования границ и различий социальных групп и сообществ в соотнесении со Значимыми Другими (Ф. Барт, И. Нойман, С. Хантингтон)[5], идейно-символических споров внутри сообщества (Р. Абделал, Й. Эррера, А. Джонстон, Р. МакДермотт)[6], для выявления степени согласия и несогласия относительно базовых смыслов в социальных группах. Отечественные авторы (О.Ю. Малинова, В.И. Пантин, И.С. Семененко, И.Н. Тимофеев) пытаются осмыслить особенности и тенденции формирования идентичности российского государства и сообщества в новых границах для того, чтобы объяснить факторы формирования представлений о границах и истории страны, а также идейно-символическую борьбу разных вариантов интерпретаций[7]. Итоги этих исследований обобщены во вступительной статье к книге «Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России», написанной И.С. Семененко. Ее автор особо выделяет роль регионов в консолидации российской гражданской нации и интеграции политического пространства[8].

---

[4] Панов П.В. Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка. - М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.; Сообщества как политический феномен / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: РОССПЭН, 2009. – 248 с.

[5] Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; Пер. с англ. И. Пильщикова. - М.: Новое издательство, 2006. – С. 9-48; Нойман И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова; предисл. А.И. Миллера. - М.: Новое издательство, 2004. – 335 с.; Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. - М.: АСТ, 2004. - 635 с.

[6] Abdelal R., Herrera Y.M., Johnston A.I., McDermott R. Identity as a Variable...

[7] Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. – 2010. – № 2. – С. 90-105; Пантин В.И., Семененко И.С. Проблемы идентичности и российская модернизация (Вместо введения) // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании» в контексте модернизации / Отв. ред. Лапкин В.В., Пантин В.И. - М.: ИМЭМО РАН, 2004. – С. 6-14; Семененко И.С. Российская идентичность перед вызовами XXI века: Проблемы и риски на пути формирования гражданской нации // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России: Сб. ст. / Отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 61-80; Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: Альтернативы и тенденции. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 176 с.

[8] Семененко И.С. Российская идентичность перед вызовами XXI века: Проблемы и риски на пути формирования гражданской нации...

Изучение категории идентичности на материале регионов зарубежных стран позволило выделить составляющие процесса региональной идентичности (А. Пааси)[9], описать формирование регионального сообщества и объяснить роль идентичности как ресурса регионального развития (Г. Раагмаа)[10], обосновать идею регионализма в качестве важнейшего основания региональной идентичности (И.М. Бусыгина[11], М. Китинг[12], Б. Дикон[13]).

На материале российских регионов политологи и географы внесли также значительный вклад в развитие методологии изучения региональных идентичностей.

Природа, ландшафт и культура рассматриваются в качестве взаимодополняющих факторов поддержания идентичности, а также формирования регионального сознания и представлений о территориальной общности (Л.В. Смирнягин, Р.Ф. Туровский)[14] как месте общей совместной жизнедеятельности. Авторы предлагают интерпретации идентичности пространства посредством географических образов (Д.Н. Замятин[15], Н.Ю. Замятина[16], В. Чичихин[17]), мифов места (И.И. Митин)[18].

---

[9] Paasi A. Place and region: Looking through the prism of scale // Progress in human geography. - 2004. - Vol. 28, № 4. – P. 536-546.

[10] Raagmaa G. Regional identity in regional development and planning // European planning studies. - 2002. - Vol. 10, № 1. – P. 55-76.

[11] Бусыгина И. Территориальный фактор в европейском сознании // Космополис. – 2002/2003. - №2. – С. 59-69.

[12] Китинг М. Новый регионализм в Европе // Логос. - 2003. - № 6. – С. 67-116.

[13] Deacon B. The reformulation of territorial identity: Cornwall in the late eighteenth and nineteenth centuries. – Open University, 2001. – Ch. 1: Identity and territory. – URL: http://www.exeter.ac.uk/cornwall/academic_departments/huss/ics/documents/Chapter1.pdf (Дата обращения: 12.07.2011).

[14] Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4 Конвента РАМИ / Под ред. И. М. Бусыгиной. – М..: МГИМО-Университет, 2007. - Т. 2: Идентичность и суверенитет: Новые подходы к осмыслению понятий. – С. 81-107; Туровский Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России: Сб. науч. ст. / Науч. ред. М. Бассин, К. Э. Аксенов. - СПб.: Геликон Плюс, 2003. - С. 139-173. – URL: http://www.regional-science.ru/files/turovsky/4-36.doc (Дата обращения: 12.07.2011).

[15] Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. - М.: РОССПЭН, 2004. – 352 с.; Замятин Д.Н. Политико-географические образы российского пространства // Политическая наука. - 2003. - № 3. - С. 28-40.

[16] Замятина Н.Ю. Вариации региональных образов: Когнитивно-географические контексты // Полис. - 2004. - № 5. – С. 85-97.

[17] Чихичин В.В. Политико-географические образы субъектов РФ: Факторы формирования (На примере Ставропольского края) // Полис. - 2005. - № 2. – С. 64-71.

[18] Митин И.И. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Отв. ред. и сост. Д.Н.

С помощью анализа соотношения различных составляющих региональной идентичности исследуются связи между территориально-административным устройством страны и процессами формирования региональной идентичности[19].

В качестве объектов изучения региональной идентичности авторы часто рассматривают исторические события, знаковые места, достижения выдающихся личностей [20]. Отдельный пласт исследований занимают работы о восприятии и воспоминании мест, коллективной памяти, сохранении и культивировании наследия и традиций (А.В. Баранов, М.П. Крылов, А.Г. Манаков, В.М. Суханов, Л.А. Фадеева)[21]. Описание идентичности связано

Замятин. - М.: Институт Наследия, 2006. – Вып. 3. - С. 64-82. – URL: http://imitin1.at.tut.by/MitinMGNet.pdf (Дата обращения: 12.07.2011); Митин И.И. Мифогеография: пространственные образы и множественные реальности // Communitas / Сообщества: Научный альманах / Науч. ред. А.А. Космарский. - М.: Наталис, 2005. – Вып. 2. - С. 12-25. – URL: http://communitas.narod.ru/3-Communitas_2_2005_Mitin.pdf (Дата обращения: 12.07.2011);

[19] Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. - М.: ИЭА РАН, 2009. – Кн. 1: Образы российских республик в Интернете. – 147 с.; Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России: Общие закономерности, подходы к изучению. – URL: http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering_group_papers/Petrov.pdf (Дата обращения: 12.07.2011); Туровский Р. Бремя пространства как политическая проблема России // Логос. – 2005. - № 2 (47). - С. 124-171; Туровский Р. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. М. Макфола, А. Рябова. - М.: Гендальф, 1999. – С. 87-136.

[20] Перфильев Ю. Региональная символика: В поисках идеологии // Регионы России в 1999 г. - М.: Гендальф, 2001. - С. 324-337; Петров Н. Как в капле водки: Политика, финансы, регионализм // Регионы России в 1999 г. - М.: Гендальф, 2001. - С. 140-162; Шнирельман В. Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко, М.Б. Олкотт. - М.: Гендальф, 2000. – Вып. 3. – С. 12-33.

[21] Баранов А.В. Историческое сознание в контексте региональной идентичности и Юга России // Человек. Сообщество. Управление. – 2003. - № 2-3. – С. 86-96; История края как поле конструирования региональной идентичности: Материалы семинара ВолГУ и Института Кеннана Междунар. Науч. Центра им. Вудро Вильсона 11 апр. 2008 г. / Под ред И.И. Курилы. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – 120 с.; Карпенко А. Репрезентации прошлого в поле политики: Кенигсберг в Калининграде // Информационно-аналитический портал «Евразийский дом». – URL: http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1492 (Дата обращения: 12.07.2011); Крылов М. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (На примере европейской России) // Логос. - 2005. - № 46. – С. 275-289; Манаков А.Г. Культурные границы и идентичность (На примере Северо-Запада Европейской России) // Идентичность и география в постсоветской России: Сб. науч. Ст. / Науч. ред. М. Бассин, К.Э. Аксенов. - СПб.: Геликон Плюс, 2003. - 271 с.; Ноженко М.В., Белокурова Е.В. Северо-Запад России: Регион или регионы? – СПб.: Норма, 2010. – 164 с.; Политика и культура в российской провинции: Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / Под ред. С. Рыженкова, Г. Люхтерхандт-Михалевой (При участии А.Кузьмина). – М., СПб.: ИГПИ: Летний сад, 2001. – 267 с.; Суханов В.М. О некоторых вопросах становления региональной идентичности в России // Вестник Башкирского государственного университета. - 2008. - № 4. - С. 1071-1079; Суханов В.М. Региональная политическая идентичность в современной России: Идеологические, социокультурные и исторические основания. - Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – 190 с.; Фадеева Л.А. Сквозь призму политической культуры: Нация, класс, регион. – Пермь: Пушка, 2006. - 304 с.

также с объяснением системы ценностей региональной гордости и патриотизма, знаний, убеждений, эмоций, идей[22] и менталитета, которые составляют основу для политического действия. Н.В. Петров и А.С. Титков систематизировали различные представления о региональной идентичности[23], М.В. Назукина выделила типы региональной идентичности и их соотношение с основными характеристиками региональной уникальности и набором практик по конструированию идентичности[24], представители исследовательского комитета РАПН по политической регионалистике под руководством А.В. Дахина насчитывают 17 факторов регионального разнообразия в формировании политической идентичности региона[25].

Процесс «символической» связи жителей с территорией и формированием «стабильного и с крепкими социальными связями»[26] сообщества авторы описывают посредством репрезентации и закрепления региона как символического пространства[27] с помощью установления границ[28] и формирования ментальной карты[29]. М.В. Ноженко и Н.Б. Яргомская

---

[22] Берендеев М.В. Социальная идентичность: исследования самоопределения калининградского регионального социума // Вестник Российского государственного университета им. И.Канта. – 2006. - № 12. – С. 75-82; Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: В поисках политической идентификации // Политическая наука. - 2005. - № 3. - С. 102-118; Большаков С.Н. Проблемы региональной идентичности в российском политическом пространстве // Управленческое консультирование. - 2003. - № 1. – С. 39-44; Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социс. – 2005. – № 3. – С. 13–22; Крылов М.П. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (На примере европейской России)...; Кувенева Г.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социс. - 2003. - № 7. - С. 77-89; Смирнягин Л.В. О региональной идентичности...; Туровский Р. Региональная идентичность в современной России... - С. 87-136.

[23] Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России....

[24] Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: Типологический анализ / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. - Пермь, 2009. - 28 с.

[25] Источники регионального разнообразия и формирование новых субъектов развития России: Гипотезы, экспертные оценки, прогнозы / Под редакцией А.В. Дахина. – Нижний Новгород, 2009. – URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Region/N_Novgorod/Istochniki_regionalnogo_raznoobraziya.pdf (Дата обращения: 12.07.2011).

[26] Шнирельман В.А. Идентичность и политика постсоветской памяти // Политическая концептология. – 2009. - № 2. - С. 209-230.

[27] См.: Назукина М.В. Граница в дискурсе идентичности региональных сообществ России // Вестник Пермского университета: Серия «Политология». - 2007. - № 1. - С. 11-17.

[28] См. Макарычев А.С. Глобальное и локальное: Меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. – 2003. – № 3. – С. 8-27.

[29] Миллер А.И. «Ментальные карты» историка и связанные с этим опасности // Исторические записки / Отв. ред. Б. В. Ананьич. - М.: Наука, 2002. - Вып. 5 (123). - С.323-333.

предлагают теоретическую модель, описывающую формирование региональных сообществ на уровне макрорегионов – федеральных округов[30]. Впоследствии М.В. Ноженко уже совместно с Е.В. Белокуровой на основе данной модели рассматривают перспективы межрегиональной интеграции на примере Карелии, Новгородской и Калининградской областей[31]. Ряд авторов (Н.В. Борисова, М.В. Назукина, П.В. Панов, К.А. Сулимов) рассматривают различные аспекты конструирования локальных политических сообществ, методики анализа которых могут быть применены для изучения схожих процессов региональной идентичности[32].

В работах об обосновании идентичности как ресурса регионального развития в решении социальных проблем, достижении экономического роста российские авторы (Д.Н. Замятин, Н.Ю. Замятина, К.В. Киселев, М.В. Назукина, О.Б. Подвинцев) акцентируют внимание на конструировании преимуществ региона и его позиционирования во внешней среде как бренда[33].

В качестве основных акторов конструирования «идеологии регионализма» и региональных идентичностей рассматриваются политические

---

[30] См.: Ноженко М.В., Яргомская Н.Б. В поисках нового регионального сообщества: Возможная перспектива рассмотрения федеральных округов // Политическая наука. - 2005. - № 3. - С. 119-141.

[31] Ноженко М.В., Белокурова Е.В. Северо-Запад России: Регион или регионы?...

[32] Борисова Н.В. Роль символической политики в функционировании городских политических режимов // Идентичность как предмет политического анализа... – С. 241-243; Назукина М.В., Панов П.В., Сулимов К.А., Конструирование политической самости на местном уровне // Вестник Пермского университета: Серия «Политология». - 2007. - № 2. - С. 19-37; Назукина М.В., Сулимов, К.А. Символическая репрезентация локальных политических сообществ: Пермский край и Свердловская область // Политическая наука. - 2008. - № 3. - С.158-175.

[33] Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Имиджевые ресурсы территории: Идентификация, оценка, разработка и подготовка к продвижению имиджа // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. - Вып. 4. - М.: Институт Наследия, 2007. - С. 227-249. – URL: http://www.heritage-institute.ru/images/a/ac/GG4ZamImage.pdf (Дата обращения: 12.07.2011). См. также: Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Экономическая география образа: Четкий, внятный, уникальный имидж – основа современного маркетинга города // Независимая газета. - 24.12.2008. – URL: http://www.ng.ru/science/2008-12-24/14_geography.html (Дата обращения: 12.07.2011); И живем мы все в Европе, и не где-нибудь а в ... – эксперты о провинциальности и комплексе «третьей столицы» // Новый Регион – Омск. – 28.04.2006. – URL: http://www.nr2.ru/south/65484.html (Дата обращения: 12.07.2011); Назукина М. Вопрос переименования городов в дискурсе региональной идентичности (Случаи Кирова и Ульяновска) // Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы / Материалы V Всероссийского конгресса политологов. - Москва, 20-22.11.2009. - [Электронный ресурс]; Назукина М.В. Варианты конструирования региональной идентичности в Северо-Кавказском федеральном округе // Вестник Пермского университета: Серия «Политология». - 2010. - № 3. – С. 5-21; Назукина М.В., Подвинцев О.Б. Особенности позиционирования регионов Урала на современном этапе // Политическая регионалистика и исследования в регионах России. Политическая наука: Ежегодник 2010 / Гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 216-236.

элиты (А.К. Магомедов[34], В.Я. Гельман и Е.В. Попова[35]), одним из значимых интересов которых является укрепление легитимности своей власти.

Многие исследователи рассматривают проблематику формирования региональной идентичности в контексте отношений «центр-регионы»[36]. Это связано со спецификой «центростремительных» образов российского пространства[37]. Авторов интересуют причины данных процессов, а также механизмы и способы взаимодействия центра и регионов, содержание центробежных и центростремительных процессов (А.И. Миллер, М.В. Назукина, В.Д. Нечаев, Н.В. Петров, О.Б. Подвинцев, Р.Ф. Туровский)[38].

Таким образом, исследования региональной идентичности в современной России охватывают весь постсоветский период и разные региональные случаи (однако к некоторым из них обращаются особенно часто – это касается в первую очередь республик). Авторы приводят методики комплексного анализа соотнесения уникальных характеристик региона с самосознанием населения региона. Исследования преимущественно проводятся с применением сравнительного метода и связаны с выявлением ряда закономерностей между функционированием региональной идентичности и факторами внешней среды. Большинство российских исследователей

---

[34] Магомедов А. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: Модели политического воссоздания «снизу» (Сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). - М.: Московский общественный научный фонд, 2000. - 224 с.

[35] Гельман В., Попова Е. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. – СПб: Изд-во ЕУ СПб, 2003. - С. 187-254.

[36] Петров Н. Федерализм по-российски // Pro et Contra. – 2000. - Т. 5, № 1. – С. 7-33; Туровский Р.Ф. Центр и регионы: Проблемы политических отношений. - М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2007. – 2-е изд. - 400 с.

[37] Белаш Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. - 1998. - № 5. - С. 75-89.

[38] Миллер А.И. Центр и окраина: Метаморфозы проблемы в XVIII – XXI вв. Отношения власти и общественного мнения в России к Украине и Белоруссии // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. – СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. - С. 29-46; Назукина М.В., Подвинцев О.Б. Столичные амбиции как отражение регионализации современной России // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. - Вып. 9. – Екатеринбург, 2009. - С. 290-303. – URL: http://www.polit.psu.ru/identichnost/nazukina_podvintcev_statya_o_stolicah.doc (Дата обращения: 12.07.2011); Нечаев В.Д. Региональный миф в политической культуре современной России. - М.: ИА РАН, 1999. - 155 с.; Петров Н. Федерализм по-российски...; Подвинцев О.Б. Региональная идентичность в де-факто двунациональных субъектах РФ: Конкурентный потенциал и попытки стимулирования // Идентичность как предмет политического анализа... – С. 224-231; Туровский Р.Ф. Центр и регионы: Проблемы политических отношений...

считают политические элиты ключевым актором формирования региональной идентичности и преимущественно акцентируют внимание на их интересах и стратегиях. Относительно накопленного опыта исследований по региональной идентичности в настоящей работе предполагается прояснение малоизученных аспектов в российской политической науке – дискурсивной составляющей процесса конструирования региональной идентичности, связанного, во-первых, с формированием регионов в пространственном отношении (с определением символической роли центра и периферии субъекта федерации в процессах консолидации регионального сообщества и регионального развития), во-вторых, с использованием символических ресурсов и участием в политике организации регионального пространства не только политических элит, но и представителей интеллектуальных элит. Требует изучения процесс конкуренции различных подходов к определению региональной идентичности, предлагаемых политическими элитами и представителями интеллектуальных элит. При этом следует обратить особое внимание на политику идентичности в отношении преемственности и преобразования символических ресурсов в конструировании прошлого, настоящего и будущего региона. Пока не получило должной оценки то обстоятельство, что в 2000-е годы федеральный центр стремился не только выстроить «властную вертикаль», но и целенаправленно стимулировать конкуренцию между регионами, в том числе – и за символические ресурсы. Актуальность научного поиска и разработки исследовательских методик и процедур обусловлена необходимостью определения основных составляющих развития регионов и выявления зависимости обсуждаемых и реализуемых проектов будущего развития от имеющихся в распоряжении регионального политического класса ресурсов, предопределяемых историко-культурными и политическими условиями.

Объектом исследования выступает процесс формирования региональной идентичности в контексте постсоветских административных и политических трансформаций.

Предметом исследования является политика идентичности регионального политического класса в условиях унификации политических и правовых рамок со стороны федерального центра в 2000-е годы.

Цель исследования: на примерах регионов Урало-Поволжья и ПФО определить типы политики идентичности регионального политического класса, и установить их зависимость от различных типов ресурсов.

Задачи исследования:

1) проанализировать основные подходы к использованию категории идентичности в качестве инструмента политического анализа, уточнить содержание понятия региональной идентичности, сопоставив его с другими типами идентичности;

2) уточнить систему категорий, описывающих процесса формирования региональной идентичности – его субъектов (политический класс, политическая элита, представители интеллектуальной элиты), а также инструменты и ресурсы;

3) разработать исследовательские процедуры и методики анализа политики идентичности регионального политического класса, выявить основные направления политики идентичности, т.е. векторы, по которым она выстраивается;

4) описать историко-культурные и политические условия формирования региональной идентичности в России и в регионах ПФО и Урало-Поволжья (т.е. факторы, обусловливающие интерес регионального политического класса к вопросам формирования региональной идентичности в 2000-е годы), выявить и классифицировать ресурсы, которые использует политический класс в конструировании региональной идентичности;

5) раскрыть типы политики идентичности регионального политического класса, показать их зависимость от выделенных нами типов ресурсов;

6) проанализировать процесс идейно-символической конкуренции различных подходов к конструированию региональной идентичности, связанных с различными способами репрезентации пространственно-

временной организации региона и регионального сообщества в 2000-е годы на примерах четырех регионов Урало-Поволжья и ПФО.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2000-х годов. Однако поскольку анализ дискурсов и практик регионального политического класса предполагает изучение преемственности и преобразования ресурсов политики идентичности, в работе рассматривается историко-культурный и политический контекст не только 2000-х годов, но и 1990-х годов. В качестве отправной точки выбран 2000 год, когда были начаты реформы, которые существенно трансформировали отношения между центром и регионами, в том числе были связаны с политикой федерального центра, направленной на установление политических и правовых рамок для формирования региональной идентичности, а также с созданием федеральных округов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили социальный конструктивизм, динамическая концепции формирования региональной идентичности А. Пааси, модель взаимосвязи региональной идентичности с политическим действием М. Китинга, модель формирования политических сообществ М.В. Ноженко и Н.Б. Яргомской, а также подходы к концептуализации политического класса О.В. Гаман-Голутвиной[39] и политических элит В.П. Мохова[40]. Выбор конструктивистского подхода к изучению идентичности позволяет проанализировать процесс формирования идентичности, определить основные способы и практики взаимодействия элит в этом процессе. Предлагаемые в данной работе исследовательские процедуры и методики анализа направлений политики идентичности регионального политического класса основываются на моделях, сформулированных А. Пааси, М. Китингом, М.В. Ноженко и Н.Б. Яргомской. Они позволяют комплексно рассмотреть процесс пространственно-временной организации региона и консолидации регионального сообщества.

---

[39] Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. – 2000. - № 3. – С. 97-103.

[40] Мохов В.П. Региональная политическая элита (1945 - 1991 гг.). - Пермь: Пермское книжное издательство, 2003. – 238 с.

Основные подходы к анализу субъектов, участвующих в конструировании региональной идентичности, позволяют включить в политический класс широкую группу лиц, которые не только обладают властью и принимают решения (политическую элиту, исходя из определения В.П. Мохова, объединяющего позиционный и десизионный подходы), но и лиц, оказывающих влияние на процесс выработки политического курса (представителей интеллектуальной элиты). Данная методологическая основа, а также подход О.Ю. Малиновой[41], который позволяет обосновать символическую функцию элит, предоставляют возможность определить основные понятия в сфере производства символов и смыслов, выработать методики направлений деятельности акторов и вписать их в контекст российской политики и политического процесса.

В работе использованы следующие **методы анализа данных:** казусно-ориентированное сравнение (для классификации по общим признакам ресурсов, используемых в процессе формирования идентичности, установления зависимостей между ресурсами и типами политики идентичности регионального политического класса в четырех регионах), анализ документов (для определения основных концептуальных позиций и подходов, особенностей использования понятий, символов, образов и мифов в формировании основных направлений политики региональной идентичности), мониторинг СМИ (для получения актуальной информации о происходящих событиях, связанных с конструированием региональной идентичности).

Источниковую базу исследования составляют тексты публичных заявлений и выступлений региональных лидеров (в том числе программные документы глав регионов и послания региональным законодательным органам), интервью и статьи представителей региональных политических и интеллектуальных элит, региональных экспертов, опубликованные в СМИ (в том числе сети Интернет); материалы официальных интернет-сайтов регионов

[41] Малинова О.Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: К постановке проблемы // Элиты и общество в сравнительном измерении / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. - М.: РОССПЭН, 2011. - С.280-293.

и региональных администраций, прежде всего, программы социально-экономического развития регионов, стратегии культурной политики, стратегии развития туризма.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

во-первых, уточнено понятие региональной идентичности на основе анализа различных видов идентичностей, в формировании которых существенную роль играет политическая и территориальная составляющая;

во-вторых, на основе комплексного анализа подходов к пространственно-временной организации региона на примере нескольких регионов, относящихся к макрорегионам с общим историко-культурным и политическим контекстом - ПФО и Урало-Поволжья - были разработаны исследовательские процедуры и методики анализа политики идентичности регионального политического класса. Данные методики позволяют: 1) определить различия в подходах политических элит и представителей интеллектуальных элит к интерпретации региональной идентичности в условиях политических и правовых рамок региональной политики в 2000-е годы, 2) объяснить возможности использования различных типов ресурсов политики идентичности, 3) выявить причины оформления интерпретаций региональных идентичностей в целенаправленный политический курс в 2000-е годы. Автором были раскрыты различия в политике идентичности регионального политического класса, связанной с организацией регионального пространства (определение символической роли центра и периферии субъекта федерации в процессах консолидации регионального сообщества и регионального развития).

Положения, выносимые на защиту:

1. Региональная идентичность конструируется через осмысление связи между сообществом и пространством в историко-культурном и политическом контексте. Этот факт позволяет нам рассматривать ее воспроизводство и/или переопределение в процессе разработки и принятия решений как процесс установления и воспроизводства границ региона,

консолидации регионального сообщества, формирования представлений о его прошлом, настоящем и будущем.

2. В 2000-х годах политические реформы способствовали не только усилению позиций федерального центра в отношениях с регионами, но и созданию новых и изменению старых правил игры, в рамках которых региональный политический класс выстраивает собственную политику региональной идентичности. Так, повсеместное установление официальных символов, отстаивание преимуществ существующих политико-административных границ регионов связаны с политикой укрупнения и объединения регионов, вариативность символического закрепления границ – с установлением ПФО, закрепление полиэтнических и поликонфессиональных образов регионов – с проведением аналогичной политики на уровне ПФО, включение принципов постиндустриального развития в политическую повестку дня регионального развития – с провозглашением принципов конкурентного развития.

3. Основные различия в интерпретациях региональной идентичности связаны с конкуренцией различных подходов: во-первых, к устойчивости и преобразованию символических ресурсов политики идентичности и, во-вторых, к пространственной организации регионов между центром и периферией. Соответственно, критериями выделения типов политики идентичности становятся, с одной стороны, ресурсы в отношении прошлого, настоящего и будущего региона, с другой стороны, ресурсы в отношении центра и периферии региона. Политика идентичности в рассматриваемых регионах характеризуется сложностью в выборе ресурсов «политико-административного», «культурного», «этноконфессионального» и «экономического» наследия, особенно в регионах с проблемой выбора относительно преемственности исторических эпох (Ульяновская область) и организации отношений между региональным центром и периферией (Удмуртия).

4. Действия политического класса в рассматриваемых регионах, направленные на конструирование региональной идентичности, в 2000-е годы

обусловлены поощрением со стороны федерального центра конкуренции между регионами за ресурсы для формирования перспектив и решения задач регионального развития.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования. Основные положения диссертации, теоретический и эмпирический материал могут быть применены при разработке учебных курсов и практических занятий по региональной идентичности и политике идентичности в современной России.

Результаты исследования могут быть использованы государственными органами, региональными администрациями, а также министерствами, участвующими в региональном планировании при разработке и реализации стратегий социально-экономического развития регионов, развития культуры и туризма окружного и регионального уровней в связи с тем, что предлагаемая схема направлений политики идентичности и используемых ресурсов позволяет оценить возможный потенциал политики региональной идентичности в регионах со схожими условиями, перспективами и задачами регионального развития.

Апробация результатов исследования. Основные результаты научного исследования отражены в трех публикациях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК РФ для публикации результатов диссертационного исследования, общим объемом 1,5 п.л. Основные положения работы были представлены на конференциях: II Всероссийская молодёжная политологическая Ассамблея (Пермь, ПГУ, 27-28 апреля 2009 г.), конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Институциональные и этические измерения гражданского общества в современном мире» (Москва, РУДН, 31 марта 2010 г.), междисциплинарная межвузовская конференция студентов и аспирантов «Гуманитарное измерение глобализации» в рамках Гуманитарных чтений РГГУ (Москва, РГГУ, 1 апреля 2010 г.), IX Международная научно-практическая конференция молодых учёных «Векторы развития современной России» (Москва, МВШСЭН, 2-3 апреля 2010 г.), III Всероссийская молодёжная политологическая Ассамблея

(Пермь, ПГУ, 19-20 апреля 2010 г.), Всероссийская научно-теоретическая конференция «Идентичность как предмет политического анализа» (Москва, ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.), IV Всероссийская молодёжная политологическая Ассамблея (Пермь, ПГУ, 25-26 апреля 2011 г.), Международная научная конференция «Культурные индустрии в Российской Федерации в контексте мировых тенденций» (Москва, Центр Digital October, 17-18 октября 2011 г.). Также результаты исследования были использованы в подготовке анкеты в рамках экспертно-аналитического проекта Пермского государственного университета «Культурная политика в регионах и борьба за идентичность» в 2011 году.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается актуальность проблемы, степень ее изученности, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, обосновывается теоретико-методологические основы, раскрывается новизна исследования, его научная и практическая значимость, формируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Теоретико-методологические основания изучения процессов формировании региональной идентичности: Роль политического класса»** анализируются методологические подходы к исследованию идентичности и региональной идентичности, а также предлагаются исследовательские методики и процедуры для анализа роли политического класса в формировании региональной идентичности в постсоветской России.

В первом параграфе **«Основные подходы к изучению формирования идентичности»:**

во-первых, предлагаем различать «идентичность» как категорию научного анализа и политической практики;

во-вторых, концептуализируем понятие идентичности (предлагаем определение идентичности, опираясь на конструктивистский подход, интерпретирующий идентичность как гибкую, изменяющуюся категорию анализа, т.е. социальный конструкт);

в-третьих, операционализируем понятие идентичности (идентичность является совокупностью представлений, чувств, ценностей и установок, необходимых для постоянного подтверждения со стороны членов группы и сообщества; идентичность может подвергаться сомнению в связи с конкуренцией разных интерпретаций символов и смыслов; идентификация может быть внешней (со стороны самой группы и сообщества) и внутренней (со стороны Значимых Других)); вводим специальные понятия для обозначения, во-первых, разновидности политической коммуникации, связанной с утверждением, поддержанием, оспариванием представлений о конкретном сообществе – *политики идентичности*, во-вторых, различных способов ее формирования – *символических инструментов* – символ, образ, нарратив, миф.

Во втором параграфе **«Региональная идентичность как политический феномен: Теоретические основания анализа»** анализируются различные подходы к соотношению региональной идентичности с другими основаниями идентификации (национальной, политической, государственной и этнической).

Мы рассматриваем различные виды идентичностей с точки зрения коллективных представлений сообщества о себе и возникающей на этой основе солидарности, которая присуща всем вышеизложенным видам идентичностей. Различия между этими видами идентичностей заключаются в концептуализации понятий, описывающих помимо всего практики не только «воображения», но и мобилизации сообщества: нация, политическое сообщество, гражданство, этничность. Политическая и национальная идентичность пересекаются в отношении понимания нации как политического сообщества, политическая и государственная – в отношении единой формулы

«нации-государства», национальная и этническая – в отношении восприятия единства истории, культуры, языка.

Региональная идентичность схожа с этнической, национальной, политической и другими идентичностями: все они основаны на общих идеях, признании и используются для решения схожих целей. В этом смысле в ходе поиска точек соприкосновения разных культур и взаимодействия нескольких этнических и конфессиональных идентичностей происходит репрезентация единства сообщества, а региональная идентичность становится поликультурной, полиэтнической и поликонфессиональной идентичностью (и может выступать в качестве механизма противостояния межэтническим и межконфессиональным конфликтам).

Региональная идентичность конструируется через осмысление связи между сообществом и пространством (которое относительно региональной идентичности концептуализируется через понятие «территория»), по принципу «принадлежности» к которому оно выделяется. Население, проживающее на территории, как правило, мыслится как сообщество, объединенное общими границами, общими отличительными признаками, общими представлениями о себе, ощущением сплоченности. Оно рассматривается как относительно однородная культурная целостность, обладающее способностью действовать солидарно, что в итоге может стать основой самосознания и идентичности.

В пространственном отношении региональная идентичность, как и в случае национальной идентичности, должна объединить локальные идентичности (прежде всего, городскую и сельскую) с целью региональной состоятельности (распределение ресурсов политики идентичности между центром и периферией таким образом, чтобы не способствовать внутрирегиональным конфликтам) и консолидации регионального сообщества.

Таким образом, мы будем рассматривать *региональную идентичность* одновременно как разновидность территориальной и политической идентичности. Анализ формирования региональной идентичности с точки зрения динамической концепции в сочетании с

социальным конструктивизмом наиболее приемлема, т.к. позволяет описать пространственно-временной контекст регионов, деятельность основных субъектов политики (политического класса) и сконцентрировать внимание на постоянно продолжающемся процессе конструирования. Описание историко-культурного и политического контекста формирования территории позволяет учесть множественность и изменчивость региональной идентичности.

Анализ разных трактовок региональной идентичности позволяет определить три основных блока вопросов (установление и воспроизводство границ и конструирование образа, консолидация регионального сообщества и перспективы регионального развития), которые необходимы для предварительного аналитического обоснования основных подходов, предлагаемых субъектами политики, к пространственно-временной организации региона.

В третьем параграфе **«Политический класс как субъект формирования региональной идентичности»** на основании методологии социального конструктивизма, подкрепленного символическим описанием социального взаимодействия, рассматривается процесс преобразования ресурсов и интересов субъектов политики – политического класса – в деятельность, направленную на формирование региональной идентичности (т.е. политику идентичности).

Идентичность конструируется членами группы/сообщества, однако не все члены группы/сообщества, включенные в процесс создания значений и представлений о себе и о социальной реальности, активно участвуют в этом процессе и контролируют его. Те, кто участвует в осуществлении символической власти, и составляют *политический класс* этой группы.

В структуре политического класса мы выделяем политическую элиту и представителей интеллектуальной элиты. Конституирующим признаком политической элиты с нашей точки зрения является контроль над распределением и признанием значимости уникальных черт и особенностей группы, которые легитимизируются в ходе процесса разработки и принятия решений (они принимают решения об установлении политических статусов,

событий, памятных знаков, юбилеев выдающихся личностей и приписывают им определенные значения).

Политика идентичности является одним из направлений символической политики и выражается в борьбе за символическую власть, т.е. за право определять способы *номинализации*, создавать социальные представления о сообществе «мы» (правила взаимодействия и принадлежности) и предлагать видение «будущего» в виде символов, образов, нарративов и мифов. Она направлена как вовнутрь, так и во вне региона, поэтому является еще борьбой за контроль над территорией.

В качестве *ресурсов политики идентичности* выступают сложившиеся представления о материальных и символических характеристиках сообщества и территории, которые воспринимаются в качестве уникальных особенностей. Влияние и авторитет отдельных акторов политики идентичности зависит от способности контролировать ресурсы, значимые для конструирования соответствующей идентичности. При этом использование "готовых" ресурсов, (основанных на территориальных особенностях, историко-культурном и этноконфессиональном наследии, экономических связях и специализациях), как правило, требует меньших затрат, чем создание новых. Однако новые ресурсы порой более точно отвечают целям, которые связаны с политическими и экономическими интересами ее акторов.

Региональный политический класс определяет интересы и задачи регионального сообщества посредством восприятия и представления проблем региона.

Процесс формирования региональной идентичности происходит в контексте борьбы интересов (их согласования и размежевания) различных сегментов политического класса - элит.

Методика анализа политики идентичности регионального политического класса включает анализ вербальных и невербальных практик символической репрезентации региона. Анализ будет сопровождаться рассмотрением пространственно-временного контекста формирования

региональной идентичности и идейно-символической борьбы внутри политического класса. Анализ дискурсов и практик репрезентации региона политическим классом (событий и заявлений) будет включать характеристику формирования содержания политики региональной идентичности, а также его оформление в соответствующие направления деятельности: 1) политико-административное и символическое закрепление границ региона, 2) конструирование образа региона и образа «столичности», 3) консолидация регионального сообщества, 4) перспективы регионального развития.

Мы можем выделить аналитически следующие *типы политики идентичности*: 1) политика идентичности, направленная на сохранение (элиты в данном случае преимущественно используют «готовые» ресурсы) или на преобразование (преимущественно – новые ресурсы); 2) политика идентичности, связанная с организацией регионального пространства вокруг одного или нескольких центров и на основе баланса между центром и периферией. Также можно предположить, что возможны ситуации, когда практики и дискурсы политического класса, связанные с конструированием региональной идентичности не складываются в последовательный политический курс, и деятельность акторов носит разнонаправленный характер.

Во второй главе «**Политика региональной идентичности в постсоветской России (на примерах Пермского края, Ульяновской области, Удмуртской и Чувашской республик)**» проводится анализ различий в содержательном оформлении символов, образов, мифов, нарративов регионов в отношении временной и пространственной организации регионального пространства.

В первом параграфе «**Региональная идентичность в постсоветской России: Политический и историко-культурный контекст**» рассматриваются различные типы ресурсов политики региональной идентичности, которые используются представителями региональных политических классов, а также особенности их формирования в зависимости от историко-культурных и политических условий.

Начало 2000-х годов ознаменовалось целым рядом изменений во взаимоотношениях федерального центра и регионов, что оказало непосредственное влияние на политику региональной идентичности: кампания по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным, создание федеральных округов, реформа Совета Федерации и т.п.

В 2000-е гг. выявление особенностей и уникальности стало не просто значимым мотивом политики различения Нас и Других, но и одним из оснований конкуренции регионов, не только по показателям социально-экономического развития, но и степени символического влияния и лидерства в своем федеральном округе, а также в пространстве России. Это связано с целенаправленной политикой федерального центра, направленной на установление политических и правовых рамок для формирования региональной идентичности.

Пермский край, Ульяновскую область, Удмуртскую и Чувашскую республики можно рассматривать не только в качестве регионов с собственной идентичностью, но и составных частей Урало-Поволжского макрорегиона с присущим ему культурным, этническим, конфессиональным единством, а также ПФО, представляющего собой административно-политическое пространство, объединяющее несколько регионов. Особенности социокультурного пространства ПФО формируют ядро ценностей и установок, характерные особенности, которые присущи регионам ПФО и предопределяют специфические ресурсы политики идентичности для каждого из рассматриваемых регионов.

В работе выделяется четыре группы материальных и символических ресурсов освоения пространства региона – «политико-административные», «культурные», «этноконфессиональные» и «экономические». Каждая группа ресурсов соответствует совокупности *символических инструментов политики идентичности*, т.е. способов «воображения» и интерпретаций особенностей региона и регионального сообщества в практиках и дискурсах репрезентации региона и регионального сообщества. Первые три типа ресурсов политики

идентичности связаны с досоветским, советским и постсоветским периодами историко-культурного и политического контекста, четвертый тип ресурса – с постсоветским.

В ходе использования политическими классами ресурсов политики идентичности возникают две группы различий в интерпретации формирования региональной идентичности: во-первых, связанных с временными рамками – относительно преемственности и преобразования составляющих ее элементов, во-вторых, связанных с пространственными отношениями центра и периферии региона.

Во втором параграфе **«Политико-административное и символическое закрепление границ регионов»** проводится анализ политики идентичности региональных политических классов, связанной с установлением политико-административных границ, политических статусов и историей развития региона. В наибольшей степени идейно-символическая борьба, в отношении данных ресурсов политики идентичности, наблюдается в регионах с нерешенными проблемами в отношении истории формирования региона в разные периоды времени в отличие от регионов с недостаточной историей формирования современных границ регионов (т.е. республик). В большинстве рассматриваемых региональных случаев «политико-административные» ресурсы позволяют региональному политическому классу закреплять преимущества сформированных в постсоветский период границ. Повсеместное установление официальных символов связаны с введением со стороны федерального центра принципа обязательности атрибутов региональной власти – герба и флага, а отстаивание преимуществ существующих политико-административных границ регионов с политикой укрупнения и объединения регионов.

В третьем параграфе **«Конструирование образов регионов и образов "столичности"»** раскрывается связь политики идентичности региональных политических классов с культурным и экономическим наследием освоения пространства. Вариативность символического закрепления границ (относительно уральских регионов – Пермского края и

Удмуртии) обусловлена установлением ПФО. Различия в практиках представления уральского и поволжского образов в выстраивании региональной идентичности, а также высокая роль центра в организации пространства региона находят отражение в использовании «экономического» ресурса – формировании образов «столичности», обосновывающих особое и/или центральное положение среди других регионов.

Использование политическими элитами и представителями интеллектуальных элит в качестве символов региона фигур выдающихся земляков может сопровождаться несогласованностью действий региональных политических классов в отношении культурного наследия, однако становится одним из немногих направлений политики идентичности, при формировании которой удается достичь компромисса. В связи с этим во всех регионах наблюдается культивирование символов и образов, относящихся к деятельности выдающихся фигур и событиям различных периодов истории и территорий.

В четвертом параграфе «**Консолидация региональных сообществ**» анализируется политика идентичности региональных политических классов относительно представлений об общих границах. Основное внимание уделено рассмотрению способов поддержания полиэтнических и поликонфессиональных образов, которые укладываются в логику преемственности социокультурного развития пространства Урало-Поволжья. Также раскрывается связь политики идентичности с поиском идейно-символического баланса между «политико-административными» и «культурными» ресурсами, отражающих отношения регионального центра и периферии. Этот баланс содержательно различается во всех регионах.

Закрепление полиэтнических и поликонфессиональных образов регионов связано с началом проведения аналогичной политики на уровне ПФО в 2000-е годы. Консолидация регионального сообщества на основе выстраивания отношений регионального центра и периферии обусловлена историческими традициями в территориальном развитии городов и районов, политико-административным делением (территории современных республик в

период Российской империи были разделены между несколькими губерниями). Таким образом, неоднородность культурного пространства в некоторых случаях (Удмуртия) не способствует формированию политического курса относительно консолидации сообщества ввиду отсутствия разработанных подходов к его реализации, тогда как в других - становится основой консолидации сообщества вокруг единого культурного ядра (Чувашия и Ульяновская область), или вокруг нескольких взаимодополняющих культурных центров (Пермский край). Обострение борьбы центра и периферии наиболее сильно в регионах, где возможность консолидации затруднена различными внутрирегиональными расколами (Удмуртия).

В пятом параграфе **«Перспективы регионального развития»** политика социально-экономического, культурного и туристического развития и формирования передовых и успешных образов регионов рассматривается в связи с разработкой моделей развития региона, основанных на следующих типах политик:

во-первых, в пространственном отношении на первый план выходит проблема борьбы городов (как центров модернизации) и периферии (представленной малыми городами и селами, ориентированных на консервацию) или проблема выравнивания центра и периферии как центров единого курса региональной модернизации;

во-вторых, во временном отношении необходимо опираться на сохранение наследия на основе имеющихся («готовых») ресурсах или на «модернизацию» наследия на основе новых ресурсов (символов, актуализирующих «будущее» региона).

Различия в реализации политического курса, направленного на региональное постиндустриальное развитие и основанного на введенном в 2000-е годы в региональную политику принципе конкуренции регионов за ресурсы, объясняется различными стартовыми возможностями (Пермский край был отнесен федеральным центром в число экономических лидеров ПФО и России в целом, а остальные три региона - в число аутсайдеров). В создании социально-экономических, культурных и туристических программ региона

особое место занимает либо политика сохранения индустриального и культурного наследия, либо политика его символической и материальной интерпретации и осмысления на основе создания и воспроизводства новых символов (создание «точек роста», мест проведения крупных федеральных и международных проектов, туристических маршрутов и карт) и образов («креативного» (территория использования культуры как ресурса развития) и инновационного (регион передовых производств товаров и услуг)) не только регионального центра, но и периферии. В случае Пермского края и Ульяновской области региональные политические элиты пытаются совмещать оба способа деятельности.

Было выявлено, что во всех рассматриваемых регионах существует конкуренция разных типов политик идентичности в ходе воспроизводства и/или переопределения представлений о материальных и символических характеристиках, во-первых, в отношении прошлого, настоящего и будущего региона, во-вторых, в отношении центра и периферии региона. В ряде направлений политики идентичности региональные политические классы выстраивают политический курс, а в ряде других – действия акторов (политической элиты и представителей интеллектуальной элиты) были разнонаправленными и выстраивались под действием обстоятельств и отличались непоследовательностью. Политические элиты рассматриваемых регионов обладают преимуществами в использовании ресурсов политики идентичности (особенно «политико-административных» и «экономических»). Из-за отсутствия широкой социальной базы поддержки и недостатка ресурсов, представители интеллектуальной элиты не занимают значимых позиций для агрегации политических идей, связанных с принятием и реализацией политических решений. В то же время они предлагают собственные (зачастую альтернативные) интерпретации ресурсов политики идентичности (в первую очередь «культурных» и «этноконфессиональных»). Общая тенденция символической деятельности региональных политических классов представляет собой сохранение наследия (а иногда – возрождения культурных традиций) и использование уже «готовых» ресурсов. Представители

интеллектуальной элиты преследуют в основном цели признания своего подхода к обоснованию региональной уникальности. Также они рассматривают возможность участия в совместных с региональной политической элитой коллегиальных институтах выработки политических решений или приход к власти.

В **заключении** диссертации подводятся итоги изучения проблемы, обобщаются выводы, определяются перспективы научных исследований и пути практического применения полученных результатов.

Публикации автора по теме диссертации:

Публикации в периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Гончарик А.А. Понятие мифа и его применение в исследованиях политики // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 79-87.
2. Гончарик А.А. Интеграция Приволжского федерального округа и формирование региональной идентичности // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – 2011. - № 3. – С. 41-52.
3. Гончарик А.А. Региональная идентичность в политическом анализе процессов регионализации и формирования регионов // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 175-186.

Публикации в других изданиях

4. Гончарик А.А. Теоретические проблемы изучения формирования региональной идентичности // Изменение России: Политические повестки и стратегии. Международная научная конференция. Тезисы докладов. Москва. 25-26 ноября 2010 г. – М.: РАПН, 2010. – С. 59.
5. Гончарик А.А. Теоретические проблемы изучения формирования региональной идентичности // Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.). Редколлегия

сборника: И.С.Семененко (отв. редактор), Л.А.Фадеева (отв. редактор), В.В.Лапкин, П.В.Панов. - М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 219-224.

6. Гончарик А.А. Роль политических элит в формировании региональной идентичности: интерпретация коллективной памяти и мифов // Материалы IX Международной научно-практической конференции молодых учёных «Векторы развития современной России: научное знание в контексте современности». – М.: МВШСЭН, 2011. – С. 108-116.
7. Гончарик А.А. Культурные столицы как новый способ городского и территориального развития в ПФО и России // Культура мегаполиса как пространство коммуникации городских сообществ: Региональная студенческая научно-практическая конференция. – Екатеринбург: Издательство ЕАСИ, 2011. – С. 34-36.
8. Гончарик А.А. Формирование региональной идентичности в Приволжском федеральном округе: инструменты и ресурсы политических элит // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». Специальный выпуск 2010: «Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций». – Пермь, 2010. – С. 51-52.
9. Гончарик А.А. Формирование региональной идентичности в Приволжском федеральном округе (ПФО): инструменты и ресурсы политических элит // Сборник лучших статей по итогам III Всероссийской Ассамблеи молодых политологов (19-20 апреля 2010 года, Пермь). – Пермь: Издательский Дом купца Тарасова, 2011. – С. 126-135.
10. Гончарик А.А. Субъекты и практики культурной политики в процессе формирования региональной идентичности Чувашской республики // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». Специальный выпуск 2011: «Культурная политика в регионах и борьба за идентичность». – Пермь, 2011. – С. 15-26.

Подписано в печать 29.02.2012
Формат 60 84 1/16.
Усл. печ. л. 1,86. Тираж 100 экз.
Заказ 69.

614990, Пермь, ул. Букирева, 15.
Типография Пермского государственного национального исследовательского университета.